

О. Н. Фокина

Новосибирский государственный университет

**Новые тексты в системе рукописных сборников
смешанного состава XVII в.**

Русская литература в XVII в. развивалась и бытовала, как правило, в виде рукописных сборников. Перепиской книг и созданием рукописных сборников занимались в основном профессиональные писцы (дьяки, подьячие, монастырские люди, жившие в слободах при монастырях, посадские люди) [Костюхина, 1965, с. 67-68], продолжалась переписка книг в монастырях. Б.В. Сапунов так определяет социальный состав владельцев книжного фонда в XVII в.: основными обладателями книг в допетровское время были церкви и монастыри, где было сосредоточено около 40% всего книжного фонда (богослужебная, церковно-служебная, четья литература), второе место по количеству книг принадлежит духовенству, третье место – приказным и посадским, четвертое и пятое соответственно феодалам и крестьянам [Сапунов, 1978, с. 69-70]. В описаниях монастырских библиотек светские книги встречаются редко. Анализируя записи на рукописях Воскресенского монастыря, Б.В. Сапунов делает вывод о том, что «все сборники преимущественно светского содержания прошли через руки приказных дьячков... По-видимому, во владении посадских людей сосредоточивалась значительная, если не основная масса книг светского содержания. Представители третьего сословия составляли существенную часть социальной базы, при поддержке которой совершалась секуляризация культуры» [Там же, с. 71].

В настоящей статье будут рассмотрены сборники XVII в., в составе которых новые тексты переписаны в окружении произведений предшествующих веков¹. Такие сборники, в силу своей специфики, являются отражением литературного процесса в определенном ракурсе: сосуществование традиции и новых текстов в пределах одного ансамбля сборника, одной маленькой библиотеки. Каким образом происходила рецепция нового в контексте сборника? Как разные по происхождению, по времени и идеологии произведения уживались в эстетических представлениях составителя сборника, автора нового ансамбля?

Прежде чем обратиться к сборникам XVII в., следует уточнить основные понятия. В «Текстологии» Д.С. Лихачева [Лихачев, 1983, с. 246-260] распространенными являются следующие определения: сборники устойчивого, переменного состава, понятие «смешанный состав» употребляется также как синоним «неустойчивого состава» [Творогов, 1988]. О.В. Творогов называет сборниками смешанного состава сборники XII – XIV вв., где «в меньшей степени сказывается тот регламентированный отбор, которому подчинялись богослужебные книги, состав и структура которых определялись церковным уставом и устойчивой традицией»

¹ В качестве источников рассматриваются сборники XVII вв., содержащие «Повесть о бражнике» и другие памятники демократической сатиры следующих собраний: собрания Российской национальной библиотеки (РНБ), Российской государственной библиотеки (РГБ), Центрального государственного архива древних актов (ЦГАДА), Государственного архива Калининской области (ГАКаО), Библиотеки Российской Академии наук (БАН), Государственного исторического музея (ГИМ).

[Там же, с. 197]. В данном случае значение «смешанный» предполагает неупорядоченность статей в сборнике по сравнению со сборниками-прототипами.

Сборники переменного состава XVII в., в которых переписаны религиозные статьи и статьи светского характера разного времени, часто определяются как «пестрые» в литературном и в хронологическом отношении [Сперанский, 1963, с. 26], в описаниях такие сборники нередко определяются как сборники смешанного состава. Понятие «сборник смешанного состава», таким образом, указывает на разнородность входящего в него материала, и поэтому представляется более уместным в свете поставленных задач, чем «сборник переменного состава».

Сборники XVII в. унаследовали некоторые характерные черты сборников предшествующих веков. Сборники смешанного состава XII – XIV вв., в отличие от регламентированных церковным календарем служебных сборников, не соблюдали установленный порядок, они включали жития, слова и поучения, апокрифы. Такие сборники в отдельных своих частях могли сохранять календарную приуроченность к дням памяти святых и церковным праздникам, но их в целом неупорядоченная структура открывала возможность пополнения новыми произведениями. Состав каждого сборника был неповторим, хотя в ряде случаев можно выделить общие блоки.

Появление сборников с преимущественным интересом к христианским этическим вопросам О.В. Творогов отмечает в XIV в. Такие сборники композиционно отличаются от сборников устойчивого состава и содержат выписки «для себя» [Творогов, 1988, с. 202]. Существенной особенностью сборников такого рода является то, что составитель при создании ансамбля руководствуется своими интересами (если сборник пишется для себя) или интересами заказчика.

Важной вехой в истории четьего рукописного сборника стал XV в. Как указывает Н.Н. Розов, от этого времени сохранилось в два раза больше книг, чем от четырех предыдущих столетий [Розов, 1981, с. 4]. Значение этого периода как переломного времени в истории русской повествовательной прозы подчеркивал Я.С. Лурье [Лурье, 1970, с. 360-387]. Новый тип четьего сборника XV в., сохраняющий преемственность с XIV веком, был описан Р.П. Дмитриевой и определен как сборник энциклопедический [Дмитриева, 1972, с. 152]. Характерными чертами четьего сборника этого типа являются разнообразие содержания и неповторимость состава, отразившие индивидуальные вкусы составителя сборника. Четьи сборники в это время продолжают переписываться, в основном, в монастырской среде. Однако тематика и проблематика энциклопедического сборника отличаются принципиальной новизной: в сфере интересов авторов-составителей кроме традиционных религиозных, философских, исторических проблем находятся география, естественные науки, астрология, законодательство, а также новые и актуальные для XV века литературные веяния [Там же, с. 159-161]. Такие сборники составлялись в течение продолжительного времени, не по плану, а, вероятно, в зависимости от нужд и интересов составителя. Например, один из сборников Ефросина, как отмечает Р.П. Дмитриева, составлялся в течение шести лет, о чем можно судить по датам [Там же, с. 174]. Сообразно с этим, сборники могут рассматриваться как летопись духовных интересов составителя.

Энциклопедический сборник XV века – это и определенный этап развития четьего сборника, и перспективный в историческом плане тип сборника для чтения. Появление сборника с индивидуальным составом, открытой структурой Р.П. Дмитриева связывает с предвозрожденческими веяниями в русской культуре XV в. Такой подход к созданию сборника сохранился в XVI в. [Дмитриева, 1974, с. 202-234], а затем стал важным фактором развития книжно-литературной системы XVII в., обогатил рукописную традицию позднего периода.

Рукописное наследие XVII в. по сравнению с XVI в. отличается большим объемом и разнообразием. Сборники смешанного состава можно найти практиче-

ски во всех описаниях рукописей отечественных собраний. В текстологических исследованиях древнерусских повестей приводятся описания подобных сборников, но, как правило, эти описания неполные. Исследователи, по сложившейся традиции, считают единицей литературного процесса отдельное произведение и обращают внимание преимущественно на конвой изучаемых повестей. Однако в данном случае применимо известное правило: любое извлечение чревато искажением. Краткое описание дает представление о тематике сборника, однако составить мнение о сборнике как среде бытования произведения можно лишь тогда, когда есть полное представление обо всех составляющих ансамбля.

В настоящее время рукописные сборники смешанного состава XVII в. системно не изучены. Некоторые характерные особенности сборников XVII в. получили освещение в статьях Н.А. Баклановой [Бакланова, 1967, с. 156-194], Б.В. Сапунова [Сапунов, 1978, с. 61-74], Н.Н. Розова [Розов, 1970, с. 210-217]. Ряд наблюдений над рукописными сборниками XVII в., содержащими «Повесть о бражнике», был изложен нами ранее [Фокина, 1986, с. 18-43; Фокина, 1995]. В настоящей статье будут рассмотрены сборники смешанного состава XVII в., в которых появляются и бытуют новые для того времени литературные произведения: «Повесть о бражнике», произведения народно-городской литературы, некоторые оригинальные и переводные повести.

Отличительной чертой литературного развития в XVII в. является демократизация, расширение социального круга читателей и авторов [Лихачев, 1987, с. 173; Адрианова-Перетц, 1977]. И.П. Еремин так описывает размежевание литературы по социальному признаку: «Демократическая литература отражала и оформляла настроения, чаяния, вкусы и запросы широких масс трудового народа: ремесленников и крепостного крестьянства, низового духовенства и мелких торговцев, всякого рода служилых и тяглых людей. Распространялась она в форме небольших рукописных сборничков, дешевых и вполне доступных, написанных на плохой бумаге» [Еремин, 1987, с. 169].

Действительно, описанный тип сборника – новое явление в рукописной книжности XVII в. Написанные неряшливой скорописью, зачитанные, порой со значительными утратами листов, эти сборники отражают как вкусы читателей из демократических слоев общества, так и новое отношение к книге как к явлению обиходному. Традиционная, средневековая по происхождению, концепция чтения рассматривала книгу как духовного руководителя и носителя вечных истин [Панченко, 1984, с. 168]. Сборники XVII в. в значительной своей части продолжают эту традицию (особенно это касается сборников религиозного содержания). Однако появляются новые произведения, связанные со стремлением переосмыслить сложившиеся представления. Произведения народно-городской литературы, появившиеся в это время, часто бытуют в «тетратках», в чем выражается своеобразная отстраненность от традиции.

В то же время далеко не все сборники XVII в., содержащие новые произведения демократической литературы, внешне неприглядны. Так, среди сборников со списками «Повести о бражнике» встречаются сборники, написанные аккуратной, а подчас и красивой скорописью, составленные продуманно, свидетельствующие о высоком уровне литературной культуры составителя. Это сборники РНБ Сол. № 1137/1247, Q. XVII.176, ОЛДП Q. XVIII, ГАКаО № 916¹. Однако есть примеры

¹ Например, в сборнике ГАКаО (Государственный архив Калининской области) № 916 переписаны Жития Кирилла Белозерского, Повесть о Николае Зарайском, Повесть о Темир-Аксаке, Сказание Авраамия Палицына, Повесть о Новгородском белом клобуке, «Степень государей великих князей киевских и московских», «О послании послов в Царьград», «Повесть об Удоне Епископе Магдебургском», Повесть об осаде Пскова Стефаном Баторием, «Повесть о бесноватой Соломонии», «Сказание о премудром бражнике», «Слово св. Иоанна Златоуста о злых женах» Повесть об Акире, Сказание о Еруслане Лазаревиче. Сборник описан: [Голубев, 1960, с. 14].

и другого рода: внешний вид сборников ГИМ Барс. № 2406, Барс. № 2397 указывает на бытование в народной среде. В первом сборнике 2406 представлена подборка сочинение «о премудрости»: Сказание о премудром Акире, О премудрости Соломона, Сказание о некоем бражнике премудром.

Сборники XVII в. часто называют «пестрыми», их состав разнообразен, структура открытая. Но все же те из них, где переписаны новые произведения светского характера (повести, в том числе переводные, демократическая «беллетристика»), часто напоминают энциклопедические сборники. Сходство проявляется, прежде всего, в том, что репертуар статей определяет сам составитель, поэтому каждый ансамбль неповторим. Что же касается содержания, то, как правило, в сборниках смешанного состава XVII в. представлены разные темы и жанры, однако редко встречается присущая энциклопедическому сборнику широта интересов и стремление отразить разные сферы знания. В сборниках XVII в., содержащих «Повесть о бражнике», преобладает интерес к христианской этике, истории. Таковы сборники XVII в. ГИМ Заб. № 435, РНБ Сол. № 1137/1247, РНБ Q.XVII.176, ГАКаО № 1540, РНБ ОЛДП Q.XVIII [Фокина, 1988, с. 137-164].

Присутствие составителя в контексте сборника проявляется не только имплицитно в отборе статей, но и в разнообразных записях (владельческих, запродажных, о переписке, о прочтении и т.п.), памятных заметках, рисунках. Мнения читателей и составителей сборников о произведениях XVII в. выражается в разнообразных толкованиях их смысла. Направленность читательских интересов в XVII в., как можно судить по составу сборников, постепенно меняется: составителей и читателей все более привлекают внимание проблемы мирские, в это время происходит и открытие «частного» человека [Панченко, 1980, с. 306].

Одной из характерных черт новой литературы XVII в. является «свободное повествование», что предполагает развитие в сборнике сюжетного повествования, эмансипацию литературного быта [Панченко, 1971, с. 450-454]. Между тем, ни сюжетное повествование, ни светские темы сами по себе не являются чем-то принципиально новым (как известно, и в средневековой литературе светские сюжеты были распространены). Новым в XVII в. является «обмирщение» [Сперанский, 1963, с. 26, Кусков, 1982, с. 223]. Обычно под обмирщением подразумевается распространение светских тем в литературе, в таком случае обмирщение сближается с секуляризацией. Между тем, эти понятия разные, хотя и связанные. Важным в этом плане является уточнение М.М. Дунаева: «Теперь говорят об “обмирщении”, приземленности жизненного идеала русского человека XVII столетия. Это и верно, и неверно. Отказа вовсе от небесного не было, но небесное это стало видеться в земном. Окружающий земной мир все более обретал символические формы царствия Небесного, сакрализован, обожествлялся даже. Важно, что совершало такое обожествление не материалистическое атеистическое сознание, но религиозное, православное в основе своей. Произошло не “обмирщение” веры, но некоторое изменение в понимании Замысла о мире, перенесение акцентов в рамках все же религиозного миропонимания. В XVII веке еще нельзя говорить о совершившейся секуляризации литературы. Другое дело, что религиозные истины осмыслены в эту эпоху более в категориях земного бытия, чем в догматической форме, что, надо признать, все же таит в себе опасность для религиозного мировидения» [Дунаев, 1996, с. 19].

Следы обмирщения можно заметить во многих произведениях XVII в. Первые признаки секуляризации проявляются как в переводных произведениях (фацеции, переводные романы), так и в оригинальных сатирических повестях. В рукописном сборнике процесс обмирщения проявляется по-разному: либо произведение вписывается в контекст сборника (по тематике или жанровому признаку), либо оно переписывается в виде тетради, и, таким образом, отстраняется от контекста. Малое количество списков также может свидетельствовать о не-

большой популярности и, следовательно, об ограниченной рецепции нового произведения рукописной традицией. Бытование новых произведений в традиционном контексте рукописного сборника XVII в. приводит в ряде случаев к смещению смысловых акцентов текста. Диапазон редакторских изменений довольно широк: от «количественного» расширения и развития однозначно понятых идей до новаторской интерпретации, а порой и потери первоначального смысла произведения.

Примером неоднозначной трактовки смысла произведения в зависимости от контекста сборников XVII в. является литературная история «Повести о бражнике». Главный герой повести – грешник, который побеждает в споре со святыми и входит в рай, тогда как согласно словам и поучениям против пьянства ему в рай «не входимо». В.П. Адрианова-Перетц отмечала «отзвук «вольномыслия» в повести: «Русские «вольнодумцы», «еретики» обращали свою критику прежде всего на обрядовую сторону религии; отвергая почитание икон, они не признавали и культа святых» [Адрианова-Перетц, 1977, с. 214]. В европейских литературах и фольклоре известен ряд произведений о том, как герой низкого происхождения (виллан, крестьянин, мельник, ландскнехт [Веселовский, 1888, с. 87-116; Веселовский, 1883, с. 192], отшельник [Фокина, 1995, с. 61-87]) после словопрения со святыми попадает в рай. Общая сюжетная схема построения этих повестей позволяет предположить, что автор русской повести был знаком с каким-то ныне не установленным источником западного происхождения. Характерное для протестантской литературы вольное отношение к церковным авторитетам, «снижение» сакрального до бытового, свойственная городской литературе плутовская мораль (ловкость, удачливость и напор) также нашли отражение в русской повести, хотя и не в такой яркой форме, как в немецкой народно-городской литературе [Фокина, 1997, с. 237-249]. В.П. Адрианова-Перетц подчеркивала связь повести с отечественной традицией: «Если даже допустить, что тем или иным путем этот анекдот дошел до русского читателя, то вся разработка главной темы в «Повести о бражнике» вполне самостоятельна. Изображение бражника, смело нападающего на «святых отцов» и защищающего свое право на место, при том лучшее, в раю, явно противопоставлено русской религиозно-дидактической литературе...» [Адрианова-Перетц, 1977, с. 214-215]. Действительно, повесть развивает присущую русским словам и поучениям тему пьянства, но конфликт в ней трактуется в аспекте традиционной для древнерусской литературы темы греха и воздаяния. Кроме того, в понимание смысла повести внесли свою лепту русские апокрифы, развивающие темы загробной жизни, греха, воздаяния и покаяния. Сопряжение традиционной темы и нового сюжета открывало возможность разных интерпретаций, как смысла самой истории, так и ее развязки. Повесть известна в 52 списках XVII – XIX вв., датировка самого раннего списка позволяет предположить, что она возникла ранее XVII века [Фокина, 1995].

«Повести о бражнике» в рукописной традиции присуща определенная свобода изложения, хотя ее сюжетная структура достаточно устойчива. Повествование распадается на эпизоды. В экспозиции дается краткая характеристика героя как «неоднозначного» (грешник, прославляющий Бога «за каждым ковшем»). Во вступлении ангелы берут душу умершего бражника и приносят к вратам рая. Далее следуют диалоги бражника со св. Петром, Павлом, Давидом, Соломоном, св. Николаем, Иоанном Богословом, в которых бражник обличает обитателей рая, ссылаясь на компрометирующие их факты из ряда источников (в том числе и апокрифического характера) и доказывает, что он также имеет право находиться в раю. Герой выбирает такой способ доказательства своей правоты, который приводит собеседников в замешательство. Он выдергивает из контекста произведений (в том числе апокрифического содержания) цитаты-реминисценции, которые демонстрируют уязвимость, с его точки зрения, позицию собеседников. Формально

он прав, его обличения подтверждаются источниками. Неумение обитателей рая парировать и поставить на место грешника приводит к тому, что бражник попадает в рай.

В XVII в. выделяется шесть редакций повести, которые в свою очередь распадаются на две группы в зависимости от завершающего эпизода. В первой группе есть мотив «о лучшем месте»: бражник вошел в рай и сел в лучшее место. На вопрос святых отцов, почему он это сделал, тогда когда святые прежде него вошли в рай, но к тому месту не смели приблизиться, ответил сам господь Бог: «Господине бражник наш человек, не прикасайтесь к тому месту и ныне». В редакциях второй группы такого мотива нет, бражник входит в рай, и на этом повесть завершается. В сборниках XVII в. повесть имеет разные названия¹, в контексте сборников каждая редакция, как правило, является частью цикла. Новые смысловые акценты в каждом случае возникают как следствие определенных связей в системе сборника. Все редакторские изменения текста в той или иной степени связаны с составом сборника [Фокина, 1995, с. 56].

В сборниках XVII в. «Повесть о бражнике» переписывалась в окружении произведений учительной литературы, апокрифов, житий, исторических статей, светских повестей, в сборниках встречаются мелкие статьи из области космографии, географии, астрологии, а также молитвы. По диапазону статей эти сборники напоминают энциклопедические. Однако это все же иной тип ансамбля. Структура сборников XVII века отличается от сборников энциклопедического типа тем, что в большинстве из них можно обнаружить циклы, в орбиту которых вовлекается «Повесть о бражнике». Интерпретация произведения зависит от того, какие аспекты произведения составитель сборника считает важными и значимыми для себя. В зависимости от выделенных автором (составителем ансамбля) циклообразующих связей, текст включался в определенные группы. Эти группы могут быть тематическими, но не всегда произведения в цикле объединяет тема. Жанровый потенциал «Повести о бражнике» обусловлен наличием в ней признаков диалогичности, апокрифической легенды, новеллы. Кроме того, «неоднозначность» главного героя (бражник, но прославляющий Бога) делает возможным искупление греха тем, кому «в рай не входимо», что приводит к неожиданной развязке. Таким образом, жанровая модификация каждой редакции определяется циклом, за которым стоит составитель и читатель сборника (возможно, и редактор).

В сборниках этого времени не только предмет изображения (как это происходило в сборниках средневековых), но и сугубо литературные критерии начинают играть роль в образовании цикла. Объединяющим началом в цикле может быть как жанр произведения, так и манера изложения (стиль).

Первая группа списков включает Костромскую и Калининскую 1 редакции. Костромская редакция, без заглавия, была переписана в небольшом сборнике с «Беседой трех святителей», заговорами. Возможно, в данном случае основанием для объединения послужила вопросно-ответная форма первых двух произведений. Калининская 1 редакция в списке ГАКаО № 916 имеет название «Сказание о премудром бражнике». В каждом из диалогов подчеркивается «мудрость» главного героя, диалоги пространны, многочисленные повторы придают повествованию фольклорно-сказовую интонацию, есть глагольные рифмы. В сборнике окружение повести составляют произведения светские, с выраженным сюжетным повествованием – «Хождение Трифона Коробейникова», «Повесть о двух посольствах», «Повесть о бесноватой Соломонии», «Слово Иоанна Златоуста о злых женах». Сборник написан красивой скорописью второй половины XVII в., его состав свидетельствует о хорошем литературном вкусе составителя. Повесть в составе цикла предстает произведением о находчивом, «премудром» герое, необычном

¹ «Слово о бражнике», «О пьянстве», «Сказание о бражнике, како вниде в рай», «Повесть о некоем ... человеке бражнике».

происшествии, имеет сказочно-новеллистический статус.

Вторая группа, без концовки о лучшем месте, представлена Ждановской, ОЛДП, Калининской 2, Забелинской редакциями. Ждановская редакция, список БАН 1.4.1 «Повесть о некоем человеке о бражнике», содержит поучительную концовку, обращение к «православным христианам», смысл ее такой: молитесь Богу, «не упивайтесь без памяти», будете в раю. Таким образом, смысл произошедшего в этой редакции меняется, ведь если повесть послужила основанием для поучения, то бражника пустили в рай потому, что он пил умеренно («не упивайтесь без памяти» – общее место в поучениях против пьянства). Повесть в этом сборнике расположена после апокрифической «Беседы Иерусалимской» и перед учительными словами и сказаниями из Пролога и входит, таким образом, в цикл учительной литературы, иллюстрирует поучение на тему о пьянстве, представляет своего рода «приклад» нетрадиционного типа.

Редакция ОЛДП в списке РНБ ОЛДП Q.XVIII «О пьянстве» расположена в сборнике рядом с типичным поучением против пьянства, которое названо «О пьянстве ино». В экспозиции о главном герое сказано, что он не только Бога прославлял, но и в «в ночи на камени спал и Богу ся молил», соответственно и концовка нейтральна: «Бражник же вниде в рай». Основное содержание сборника – светские повести, но «Повесть о бражнике» входит в цикл, содержащий «Историю о семи мудрецах» и поучение против пьянства, то есть может рассматриваться как своеобразный жанровый гибрид поучения против пьянства и сказания о мудрости.

В рамках одной редакции также могут возникать новые смысловые оттенки, как, например, в списке Забелинской редакции ГИМ Барс. № 2406. В этом сборнике повесть называется «Сказание о некоем бражнике премудром», здесь же переписаны «Сказание о премудром Акире», «О премудрости Соломона», таким образом, в сборнике представлен тематический цикл «о мудрости». В новом контексте, рядом с произведениями об Акире и Соломоне, в облике главного героя «Повести о бражнике» внимание акцентируется на находчивости как мудрости, и бражник, таким образом, ставится в один ряд с «книгоцеем» Акиром и освященным преданием мудрым Соломоном. Все три произведения относятся к апокрифам¹.

Редакция Калининская 2 в списке РНБ Q.XVII.176 «Слово о бражнике» переписана в цикле с «Прением живота и смерти» (как и «Повесть о бражнике», «Прение живота и смерти» написана в форме диалога), а также со «Словом о некоем человеке богобоязнове». В данном случае основанием для включения в цикл стала форма диалога-спора и, возможно, тема жизни и смерти. В сборнике ГАКаО 1540 повесть также переписана в цикле с «Прением живота и смерти», а также с апокрифами «Беседа трех святителей», «Хождение Богородицы по мукам», «Словом о злых женах».

Таким образом, в сборниках смешанного состава XVII в. в той или иной форме представлена концепция материала (произведения, цикла, сборника в целом). Литературная история «Повести о бражнике» в XVII в. демонстрирует разнообразие контекстуальных связей, как в системе сборника, так и в системе литературы в целом.

Как бы ни была своеобразна литературная история «Повести о бражнике», она отражает общие закономерности эволюции текста в микро и макроконтестах (в данном случае в системе сборника и в историко-литературной системе) и закономерности отношений нового текста к традиционному контексту.

Отмеченные особенности находят отражение и в других сборниках, содержащих новые для XVII в. тексты. Прежде всего, обратимся к сборникам этого перио-

¹ «Повесть о бражнике» была занесена в список ложных и отреченных книг. См.: [Памятники отреченной..., 1863, с. VII].

да с произведениями демократической сатиры [Адрианова-Перетц, 1977; Демкова, 1977]. В основном эти произведения получили распространение в XVIII в. Сборников XVII в. сохранилось немного, и все они, за редким исключением, относятся к концу XVII – началу XVIII вв. Известно 3 списка с «Повестью о Ерше Ершовиче» (к. XVII – н. XVIII в.) [Адрианова-Перетц, 1977, с. 144, 145]; 2 списка с «Шемякиным судом» (к. XVII – н. XVIII в.) [Там же, с. 147]. Единственный известный в настоящее время список «Азбуки о голом и небогатом человеке» был опубликован Н.С. Демковой [Демкова, 1977, с. 236-237], отрывок середины XVII в. из собрания И.Е. Забелина ныне утерян. Сохранились по одному списку XVII в. следующих произведений: «Послание дворительное недругу», «Калязинская челобитная» (к. XVII – н. XVIII в.), «Сказание о курае и лисице» (к. XVII в.) [Там же, с. 150-151, 158, 160], «Сказание о крестьянском сыне» (к. 20-х – н. 30-х гг. XVII в.) [Демкова, 1976, с. 172-175], «Послание сына, «от наготы гневнаго», к отцу» (н. XVII в.), стих «О дьяконовой поминке и о кутии» (к. XVII в.) [Демкова, 1977, с. 238-239].

Сборник РГБ ф. 304 № 808 (1008) середины XVII в., содержащий «Послание дворительное недругу», по виду и составу можно отнести к монастырскому сборнику (в его составе слова, притчи, поучения, исповедание иноческое и т.п. статьи). Он принадлежал, судя по записи, дьякону. Сборник переписан беглой скорописью и полууставом, переходящим в скоропись, небрежными почерками, последняя часть сборника «Писма и надписания» (образцы посланий) содержит в конце пародийное «Послание», которое никак внешне от текста сборника не отличается.

«Азбука о голом и небогатом человеке» в списке 1663 г. была переписана «в сборной рукописи, в составе скорописной азбуки-прописи» [Демкова, 1977, с. 236].

Фрагмент «Сказания о крестьянском сыне» 1620 г. известен в составе прописей попа Тихона, сопровождающих скорописную учебную азбуку [Там же, с. 237]. ««Сказание о крестьянском сыне» было использовано составителем Азбуки (попом Тихоном?) в назидательных целях: в «Прописи» был включен лишь начальный фрагмент повести – до пародирования религиозных текстов, в результате – герой плутовской новеллы выступает в качестве отрицательного примера – в роли своеобразного «блудного сына». Об этом свидетельствует текст и в самом конце «прописей», где тема заимствованного фрагмента из «Сказания» повторяется в очевидном дидактическом контексте...» [Там же, с. 238].

«Послание сына, «от наготы гневнаго», к отцу» переписано в составе Азбучного письмовника и повторяет все этикетные формулы эпистолярного жанра [Там же].

«Стих о жизни патриарших певчих» переписан в сборной рукописи, содержащий духовные и покаянные стихи, которые названы «псалмами». Сам стих назван в рукописи «иная псалма» [Там же, с. 241]. Ср. «Повесть о бражнике» в сборнике РНБ ОЛДП Q.XVIII: «О пьянстве ино».

Приведенные примеры позволяют сделать вывод: на раннем этапе бытования в рукописной традиции новые произведения вовлекаются в сборники (циклы) соответственно темам и жанровым особенностям. Внешне они не выделяются из контекста, даже если их содержание не соответствует общей концепции сборника. Формальные жанровые признаки, как правило, по ряду ключевых параметров соответствуют окружению. Старая форма и новое содержание – такое сочетание в некоторых случаях приводит к созданию жанровых оксюморонов («Служба кабаку», «Лечебник на иноземцев»). Произведение с новым содержанием в традиционном контексте приобретает свойства пародии, поскольку сам контекст играет роль «второго плана» (наличие «второго плана» необходимо для пародии как жанра). Примерами таких пародий являются «Послание дворительное недругу»,

«Послание сына, «от наготы гневнаго»» в циклах образцов писем, «Стих о жизни патриарших певчих» в цикле «псалм». Содержащие их сборники представляют особый интерес, поскольку относятся к характерным проявлениям в литературе корпоративного остроумия (приказных, низшего клира).

Процессы циклизации в сборниках XVII в. можно проследить и в сборниках переводных повестей. «Повесть о Бове королевиче» в самом раннем белорусском списке (так называемом познанском) 1580 г. переписана в одном сборнике с повестями о Тристане, о Ланцелоте, об Аттиле, с летописью великого княжества Литовского¹. В сборнике РНБ Q.XVII.27 можно заметить следы циклизации с повестями: Повесть об Аполлонии Тирском, Александрия, Повесть о семи мудрецах [Кузьмина, 1964, с. 247]. Встречается «Повесть о Бове» также в сборниках, где существует повествовательная традиция («Повесть об Акире премудром»), оригинальные повести, созданные в XVII в. («Повесть об Азове») и слова, поучения, жития (ГБЛ, Бел. 59 (= Муз. № 1567)) [Там же].

Подобные закономерности можно отметить и в истории текста «Повести о Петре Златых Ключей». Например, сборник РГБ Унд. 527 с украинской редакцией 1660 г. включает «Гисторию правдивую о Магелионе», повести о папе Григории, о семи мудрецах, о цесаре Оттоне, о графине Альтдорфской, новеллу из «Великого зеркала» и хронографический рассказ об Александре Македонском [Там же, с. 264]. В контексте сборников традиционного содержания XVII в. образуются однородные в жанровом и тематическом планах циклы. В сборнике ГИМ, Заб. № 325/226 переписаны повести о Петре Златых Ключей, об Оттоне и Олунде, о княгине Альтдорфской; сборник РНБ, F.XV.34 содержит отрывок «Повести о Петре Златых Ключей», «Повесть о царице и львице», повести из Великого Зеркала, жития.

Наряду с циклизацией произведений с выраженной новеллистической или романной формой существовала и практика приписывания новых произведений в конце сборника. Так, в конце сборника РНБ, Муз., 677/ДА 892, содержащего слова и поучения, чудеса, молитвы, жития, «Сказание о 12 пятницах», вирши о смерти, церковные службы святым, выписки из притчей Соломоновых, Екклесиаста, «Премудрости Соломона» и т. п. переписана «Повесть о Петре Златых Ключей» [Там же, с. 265-266].

Циклизация в сборниках смешанного состава XVII в. может рассматриваться как актуальная тенденция, отражающая участие читателей и составителей в литературном процессе. Не только предмет изображения, как это было в средневековых сборниках, но и сугубо литературные критерии играли роль в образовании циклов. В этой связи вопрос о роли и функциях вторичных или читательских циклов в рукописных сборниках второй половины XVII – XVIII вв. представляет несомненный интерес и требует отдельного рассмотрения.

Как и ранее, в сборниках XVII в. старая традиция оставалась средой бытования новых текстов. Новый текст мог трактоваться составителем (переписчиком) как непротиворечивый, в таком случае он дополнял повествовательный ряд. В противном случае акценты смещались, и возникали другие отношения: диалогические и (или) полемические. Действительным открытием литературы XVII в., связанным с «обмирщением», стало появление новых контекстуальных отношений в системе сборника и многообразие интертекстуальных связей с традицией в целом.

Становясь частью сборника, новые произведения светского характера в свою очередь сами преобразовывали контекст. В этом диалектическом процессе ведущую роль играл читатель, переписчик, создатель нового сборника, именно он постепенно перестраивал всю систему литературы XVII в.

В конце XVII в. формируется новое отношение к литературе, появляется ин-

¹ Описание состава сборников см.: [Кузьмина, 1964, с. 245].

терес к занимательному чтению. Если старая традиционная концепция чтения предполагала вдумчивое, многократное чтение-размышление, книга рассматривалась как средоточие духовного опыта, считалась наставником в жизни человека, то сборники, в составе которых переписывались новые светские произведения XVII в., предполагали иное отношение к чтению. Чтение как возможность узнать новое об известном или неизвестном, чтение как возможность приобщиться не только к нравственному, но и социальному опыту, чтение как развлечение – эти новые функции литературы переходного времени получили отражение в сборниках смешанного состава XVII в. В них проявились первые приметы «обмирщения», предвестники последующей секуляризации читательских интересов в литературных рукописных сборниках и сборниках смешанного состава первой трети XVIII в.

Литература

- Адрианова-Перетц В.П. Русская демократическая сатира XVII века. М., 1977.
- Бакланова Н.А. Русский читатель XVII века // Древнерусская литература и ее связь с Новым временем. М., 1967.
- Веселовский А.Н. Нерешенные, нерешительные и безразличные дантовского ада // ЖМНП. 1888. Ноябрь, С. 87-116.
- Веселовский А.Н. Очерки истории романа, новеллы, народной книги и сказки. СПб., 1883.
- Голубев И.Ф. Коллекция рукописей: краткий обзор / Калининский обл. архив. Калинин, 1960.
- Демкова Н.С. Фрагмент из «Сказания о крестьянском сыне» в записи 1620 г. // Культурное наследие Древней Руси. Истоки, Становление. Традиции. М., 1976.
- Демкова Н.С. Дополнения // Адрианова-Перетц В.П. Русская демократическая сатира XVII века. М., 1977.
- Дмитриева Р.П. Четыре сборники XV века как жанр // Труды отдела древнерусской литературы. Л., 1972. Т. XXVII.
- Дмитриева Р.П. Волоколамские четыре сборники XVII в. // Труды отдела древнерусской литературы. Л., 1974. Т. XXVIII.
- Дунаев М.М. Православие и русская литература. М., 1996.
- Еремин И.П. Лекции и статьи по истории древнерусской литературы. Л., 1987.
- Костюхина Л.М. Из истории рукописного дела России XVII века // Археографический ежегодник за 1964 г. М., 1965.
- Кузьмина В.Д. Рыцарский роман на Руси. М., 1964.
- Кусков В.В. История древнерусской литературы. М., 1982.
- Лихачев Д.С. Текстология. Л., 1983.
- Лихачев Д.С. Развитие русской литературы X – XVII веков. Эпохи и стили // Лихачев Д.С. Избранные работы в трех томах. Л., 1987. Т. 1.
- Лурье Я.С. Оригинальная беллетристика // Истоки русской беллетристики. Л., 1970.
- Памятники отреченной русской литературы / Собраны и изданы Н. Тихонравовым. СПб., 1863. Т. 1.
- Панченко А.М. Сюжетное повествование и новые явления в русской литературе XVII в. // Истоки русской беллетристики. Л., 1971.
- Панченко А.М. Литература «переходного века» // История русской литературы. В 4-х тт. Древнерусская литература. Литература XVIII века. Л., 1980. Т. 1.
- Панченко А.М. Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1984.
- Розов Н.Н. Зачем, кому и какая рукописная книга нужна // «Вопросы исто-

рии». 1970. № 6.

Розов Н.Н. Книга в России в XV веке. Л., 1981.

Сапунов Б.В. Книга и читатель на Руси в XVII в. // Книга в России до середины XIX века. Л., 1978.

Сперанский М.Н. Рукописные сборники XVIII века: Материалы для истории русской литературы. М.; Л., 1963.

Творогов О.В. Древнерусские четьи сборники XII – XIV вв. (Статья первая) // Труды отдела древнерусской литературы. Л., 1988. Т. XLI.

Фокина О.Н. Бытование «Повести о бражнике» в сборниках XVII в. // Русская книга в дореволюционной Сибири: Распространение и бытование: Сб. науч. трудов ГПНТБ СО РАН. Новосибирск, 1986.

Фокина О.Н. Археографический обзор списков «Повести и бражнике» // Русская книга в дореволюционной Сибири: Фонды редких книг и рукописей сибирских библиотек. Новосибирск, 1988.

Фокина О.Н. Литературная история «Повести о бражнике» и проблемы народной книги. Новосибирск, 1995.

Фокина О.Н. Мотив обретения рая в немецкой и русской литературе XVI – XVII вв. // Книга и литература: Сборник научных статей НГУ и ГПНТБ СО РАН. Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 1997.